

Павел Григорьевич Кушаков
(1881–1946)

Содержание

Предисловие..... 7

Два года во льдах. На пути к Северному полюсу с экспедицией старшего лейтенанта Г. Я. Седова (*дневник исполняющего обязанности начальника экспедиции П. Г. Кушакова*)

Глава I. Приезд в Архангельск	31
Глава II. Выход в море	44
Глава III. На пути к Новой Земле	52
Глава IV. На Новой Земле	55
Глава V. В Крестовой губе	67
Глава VI. На пути к Земле Франца-Иосифа.....	71
Глава VII. Обратно к Новой Земле	79
Глава VIII. В Архангельской губе	84
Глава IX. Дальше на север	89
Глава X. На мели	93
Глава XI. Начало зимовки	107
Глава XII. Первая экскурсия	115
Глава XIII. Сборы и выход в экскурсию к полуострову Адмиралтейства	134
Глава XIV. Начало полярной ночи	146
Глава XV. Тяжелая работа	154
Глава XVI. Судовые будни	163

Полуденная ночь, полуночное солнце

От автора

Моя первая полярная экспедиция

Будни экспедиции к Северному полюсу

 При 50 градусах ниже нуля

 Полезный урок

 Приключение на охоте.....

Живой буксировщик	195
Интуиция	201
Неожиданная встреча	202
Охота с камнями	208
Наши мишки-талисманы	213
Первопроходцы Диксона	
Предсказание шамана	226
Ссылные	233
Первая охота	245
Спасительная гавань	257
Идол	266
Проклятие самоедов	268
Семейная драма	270
Трогательное предложение	275
Письмо П. Г. Кушакова якутскому губернатору М. А. Пономареву	
280	
Экспедиция старшего лейтенанта Г. Я. Седова к Северному полюсу. Краткая хроника событий (1912–1914)	
299	
Источники иллюстраций	302

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автора предлагаемой вниманию читателя книги (вернее, двух книг под одной обложкой) – Павла Григорьевича Кушакова – можно смело назвать незаслуженно забытой фигурой в истории отечественных полярных экспедиций. Более того, в большинстве работ, рассказывающих о походе к Северному полюсу под руководством Г. Я. Седова, Кушакову отведена роль отрицательного персонажа, чуть ли не виновного в гибели начальника экспедиции, а посвященных ему биографических исследований практически нет¹. Попробуем разобраться в биографии этого безусловно незаурядного человека и дать оценку его работам, одна из которых – «Два года во льдах. На пути к Северному полюсу с экспедицией старшего лейтенанта Г. Я. Седова» – возвращается к читателю спустя сто лет после ее первого издания, а вторая – «Полуденная ночь, полуночное солнце» – ранее никогда не публиковалась на русском языке.

Павел Григорьевич Кушаков родился 15 марта 1881 г. в семье Григория Павловича Кушакова – коллежского секретаря (на 1904 г.), судебного пристава Уманского окружного суда² и его супруги – Синклитии Федоровны, происходившей из крестьян села Торговицы на Уманщине. У Павла было четыре брата и две сестры: Григорий, Иван, Анна, Екатерина, Владимир, Александр³.

¹ Непосредственно к биографии П. Г. Кушакова обращался ставропольский краевед Г. А. Беликов (см., например: Замечательные люди Ставрополя (информационно-библиографический блокнот). Ставрополь, 2015. С. 25–29), но, к сожалению, в его статьях содержится много недостоверной информации. Сведения, опубликованные в Интернете, обобщила литератор из Рязани Тамара Костомарова (Т. В. Шаркова) в работе «Павел Кушаков. Лит[ературное] исследование» (URL: <https://proza.ru/2016/07/22/73>. Дата обращения 25.06.2020). Ранее неизвестную информацию (в частности, дату и место смерти и некоторые подробности эмигрантской биографии) опубликовали энтузиасты – любители истории изучения и освоения высоких широт на интернет-портале «Полярная почта» (Кушаков Павел Григорьевич (1881–1946). (URL: <http://polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=8&t=6604&hilit=%D0%9A%D1%83%D1%88%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2>. Дата обращения 25.06.2020). *Здесь и далее все сноски без указания авторства принадлежат составителю.*

² Державний Архів Харківської області (ДАХО) (Государственный Архив Харьковской области (ГАХО)). Ф. 928. Оп. 1. Д. 2292. Л. 1, 21, 30.

³ Сведения о родственниках приведены по данным архивно-следственных дел 1931 и 1937 гг. на В. Г. Кушакова, электронные копии которых размещены в базе данных «Открытый список» (URL: [https://ru.openlist.wiki/%D0%9A%D1%83%D1%88%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80_%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1890\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%9A%D1%83%D1%88%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80_%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1890)). Дата обращения 25.06.2020).

Прошение П. Г. Кушакова
 о зачислении в Харьковский
 ветеринарный институт

Прошу Вас, Ваше Превосходительство,
 рассмотреть мое прошение о зачислении
 в Харьковский ветеринарный институт
 на основании прилагаемых документов.

Я, П. Г. Кушаков, окончив курс в
 Харьковском ветеринарном институте
 в 1888 году, получил диплом
 о конном ветеринарном образовании.

В настоящее время я состою
 в должности ветеринарного
 врача в Харьковском ветеринарном
 институте.

Прошу Вас, Ваше Превосходительство,
 рассмотреть мое прошение о зачислении
 в Харьковский ветеринарный институт
 на основании прилагаемых документов.

С уважением,
 П. Г. Кушаков

Харьковский ветеринарный институт
 1888 г.

Прошение П. Г. Кушакова о зачислении в Харьковский ветеринарный институт

С августа 1890 г. по 2 июня 1901 г. П. Г. Кушаков учился в Уманской гимназии, окончив семь классов. Успехами в учебе он, мягко говоря, не отличался. Во втором, третьем и шестом классах Павел оставался на второй год, а из восьми оценок в свидетельстве об окончании гимназии шесть – «тройки», одна – «четверка» (по Закону Божьему), познания же в русском языке были оценены на два балла⁴. Отмечали классные наставники и многочисленные дисциплинарные проступки на протяжении всего периода обучения. Интересно, что во втором классе учителя считали, что на него дурно влияет старший брат⁵.

Итоговая аттестация за седьмой класс выглядела неутешительно для 20-летнего гимназиста: *«Кушаков слабохарактерный ученик, внимательный в классе, но недостаточно прилежный и неразвитый. Неуспешность его в году по русскому языку объясняется главным образом его беспечностью, крайним невниманием к советам в классе от руководителей и увлечением музыкой в ущерб научным познаниям»*⁶. Неизвестно, что именно подразумевалось под увлечением музыкой – любовь к исполнительству или стремление слушать. Можно предположить, что второе, так как в опубликованных дневниковых записях Кушаков не упоминает себя среди любителей музицирования – участников экспедиции Седова. Все же думается, что причинами плохой успеваемости П. Г. Кушакова были не только его личные качества, но и отношение учителей к своим подопечным (о чем рассказано в новелле «Моя первая полярная экспедиция», опубликованной в этой книге). Последующая биография Кушакова свидетельствует о его несомненных способностях к «научным познаниям», не раскрытым в детстве и ранней юности.

В июне 1901 г. Кушаков подал прошение о зачислении в Харьковский ветеринарный институт, которое было удовлетворено (интересно, что все документы этого периода написаны им вполне грамотно)⁷. Вскоре после поступления, 3 ноября 1901 г., он обратился к директору института с просьбой вступить в число охотников Вольной пожарной команды в городе Харькове, начало работы которой планировалось 1 февраля 1902 г.⁸

На четвертом курсе П. Г. Кушаков женился на дочери купца из города Славянска Клавдии Яковлевне Асокиной (1881–?). Документы, необходимые для вступления в брак, были собраны женихом и невестой к концу октября 1904 г.⁹ По всей вероятности, тогда же состоялась и свадьба.

4 ДАХО (ГАХО). Ф. 928. Оп. 1. Д. 2292. Л. 30.

5 Там же. Л. 33об.

6 Там же. Л. 36.

7 Там же. Л. 1.

8 Там же. Л. 2.

9 Там же. Л. 16.

Диплом П. Г. Кушакова об окончании Харьковского ветеринарного института

8 мая 1906 г. П. Г. Кушаков после сдачи экзаменов был «признан ветеринаром с отличием (*cum eximia laude*)»¹⁰. Его коллега по экспедиции и главный недоброжелатель – видный полярный исследователь и замечательный художник Н. В. Пинегин писал: «В 1905 году, когда по всей России разлилась безудержная революционная пропаганда, студенты бастовали вместе с рабочими. В эту зиму студент Кушаков с особенной аккуратностью посещал пустые аудитории Харьковского ветеринарного института вплоть до самых экзаменов весной 1906 года. И что же?.. До этой весны он еле-еле переползал с курса на курс, а тут сразу поправил свои дела. Студенты-забастовщики были забриты в солдаты, а патриот Кушаков, пришедший на выпускные экзамены, заработал без излишнего обременения головы диплом "*Cum eximia laude*" ("с исключительным отличием")»¹¹. В дальнейшем мы еще обратимся к воспоминаниям Пинегина о Кушакове, но сразу оговоримся, что, на наш взгляд, значительная часть характеристик, данных художником своему соплавателю, вызвана острой личной неприязнью к нему (о чем, в частности, ярко свидетельствует бесстрастное описание Кушаковым их чисто бытовых конфликтов, происходивших еще в начале первой зимовки «Святого Фоки»).

В пользу того, что Кушаков получил свой диплом заслуженно, говорят и высокие оценки в протоколе экзаменов, приложенном к диплому¹², и документы, свидетельствующие о том, что Павел Григорьевич работал по специальности еще во время учебы, а после окончания института хотел заниматься именно фундаментальной наукой. 9 февраля 1905 г. он получил удостоверение, свидетельствующее о его службе в Харьковской городской управе в качестве помощника ветеринарного врача при пожарных частях¹³.

26 августа 1906 г. Кушаков обратился к директору ветеринарного института с просьбой зачислить его сверхштатным ассистентом, «желая продолжать научную работу по намеченным вопросам и специализироваться по ветеринарии»¹⁴. 4 декабря 1906 г. Кушаков подал прошение директору, в котором просил зачислить его «в штат ассистентов при терапевтической или хирургической клинике»¹⁵.

О дальнейших пяти с половиной годах жизни Кушакова, предшествующих его участию в экспедиции Г. Я. Седова, мы располагаем довольно скудными сведениями. А. Мэйер, автор предисловия к книге Кушакова, вышедшей

¹⁰ ДАХО (ГАХО). Ф. 928. Оп. 1. Л. 12.

¹¹ Пинегин Н. Георгий Седов. Л., 1941. С. 206–207.

¹² ДАХО (ГАХО). Ф. 928. Оп. 1. Д. 2292. Л. 13–13об.

¹³ Там же. Оп. 1. Л. 15.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 5.

П. Г. Кушаков в студенческие годы

на французском языке в 1946 г., пишет: *«Будущий полярный исследователь получил хорошее медицинское образование и сосредоточился на бактериологии. За счет государства он совершенствует научные знания в Германии под руководством двух преподавателей биологии – Вассермана и Шиллинга. По возвращении на Родину правительство посылает молодого человека на Кавказ с целью основать там лабораторию бактериологических исследований, что позволило, в том числе, бороться со смертоносной эпидемией холеры»*¹⁶. Информацию о заграничной стажировке подтверждает и Пинегин, упоминая при этом о законченных Кушаковым трех курсах медицинского факультета¹⁷.

¹⁶ Mayor A. Préface // Kouchakoff P. Nuit de midi et soleil de minuit. Neuchâtel et Paris, 1946. P. 9.

¹⁷ Пинегин Н. Указ соч. С. 243.

Несколько лет Павел Григорьевич работал в Ставрополе. Ставропольские краеведы писали, что он «...открыл первый в губернии врачебно-аналитический кабинет по лечению домашних животных. У Ставрополя в имени братьев Деминых создал "первую образцовую молочную ферму", ставшую своеобразным эталоном ведения крестьянского хозяйства»¹⁸.

К 1911 г. П. Г. Кушаков владел в Ставрополе домом, расположенным по адресу Воронцовская улица, 9¹⁹. Интересно, что в 1911 г. дом оценивался в 1500 руб., а в списке лиц и учреждений, имеющих право участия в выборах гласных Ставропольской городской думы в 1914–1917 гг., имущество, которым с 11 июня 1911 г. владела супруга П. Г. Кушакова, оценивалось в 14 500 руб.²⁰ Дом П. Г. Кушакова сохранился до наших дней (современный адрес: проспект Октябрьской Революции, 23).

Пинегин пишет, что перед отбытием в Санкт-Петербург в 1912 г. П. Г. Кушаков служил ветеринаром конно-полицейской стражи в Ставрополе, откуда был уволен за ложный донос²¹. Информацию о причинах увольнения подтвердить или опровергнуть пока невозможно. В документах указано, что Павел Григорьевич занимал должность ветеринарного врача 20-го участка, прикомандированного к Ставропольской губернской бактериологической станции²². В тот период ветеринарная служба находилась в ведении министерства внутренних дел. В форме этого ведомства Кушаков и запечатлен на одной из фотографий, сделанных в Архангельске незадолго до отхода «Святого Фоки» в плавание.

Что именно привело Кушакова к решению принять участие в экспедиции Седова – желание реализовать детскую мечту о полярных странствиях, патриотический порыв, какие-то личные переживания, от которых он хотел скрыться за Полярным кругом? Можно предположить, что все эти мотивы так или иначе подтолкнули его к встрече с Седовым, кардинально изменившей судьбу ветеринарного врача.

Рекомендацию для участия в экспедиции Кушакову дал известный врач и полярный исследователь А. А. Бунге²³. 3 апреля 1912 г. Г. Я. Седов обратился к ставропольскому губернатору Б. М. Янушевичу с просьбой отпустить Кушакова

18 Замечательные люди Ставрополя (информационно-библиографический блокнот). Ставрополь, 2015. С. 26.

19 Список недвижимых имуществ губ[ернского] гор[ода] Ставрополя, составленный в августе 1911 года. Ставрополь-губернский, 1911. С. 79.

20 Список лиц и учреждений, имеющих, на основании ст[атей] 24 и 32 Город[ского] Полож[ения] 1892 г., право участия в выборах гласных Ставропольской Городской Думы на четырехлетие 1914–1917 гг. Б. м., б. г. С. 11.

21 Пинегин Н. Указ. соч. С. 202.

22 Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

23 Там же. Л. 1об.; Пинегин Н. Указ. соч. С. 243–245.

Дом П. Г. Кушакова в Ставрополе. Современная фотография

в экспедицию (с сохранением получаемого на службе содержания)²⁴. 7 апреля губернатор ответил Седову восторженным письмом и разрешил Кушакову участвовать в походе²⁵. Теперь нужно было формально уладить вопрос с непосредственным начальством Павла Григорьевича – Ветеринарным управлением МВД. Это не составило труда, и 18 апреля Седов отправил Кушакову телеграмму: «Начальник согласился. Занимайтесь наукой. Седов»²⁶. Думается, что если бы Кушаков действительно имел скандальную славу доносчика, то едва ли его просьбу поддержали бы столь быстро и на довольно высоком уровне...

Не будем останавливаться на трагической истории экспедиции Георгия Яковлевича Седова – она подробно изложена в статье Л. Л. Брейтфуса –

²⁴ РГАВМФ, ф. 1367. Оп. 1. Д. 2. Л. 1об.

²⁵ Там же. Л. 5

²⁶ Там же. Л. 14.

предисловии к книге Кушакова, вышедшей в 1920 г., которую в данном переиздании мы не публикуем, в трудах самого Кушакова и многочисленной литературе (в том числе неоднократно переизданных книгах Н. В. Пинегина). Хотелось бы сказать несколько слов о его роли в этом путешествии и проявившихся в полярной обстановке личных качествах.

В письме Седова от 19 августа 1912 г. есть такие слова о Кушакове: «...Надоел он мне своей разнузданностью, хвастливостью и вообще фамильярностью...». Почти через год, 16 ноября 1913 г., начальник экспедиции отметил в дневнике: «...уж очень несносный человек...»²⁷. Но при этом, уходя к полюсу, Седов назначил начальником экспедиции именно Кушакова, мотивировав это, по словам Пинегина, тем, что «он старше всех по возрасту и имеет способность командовать»²⁸. Правда, тот же Пинегин, по сути, косвенно обвиняет Кушакова чуть ли не в убийстве Седова. Практически всем участникам экспедиции было очевидно, что поход к полюсу больного человека, каковым однозначно был к этому моменту Седов, да еще и с явным недостатком снабжения – самоубийство. «Каждый из членов экспедиции имеет свои выводы из наблюдений над здоровьем Седова, и эти выводы совсем не согласуются ни с кушаковскими официальными бюллетенями, ни с его подбадриванием сборов к полюсу. Но никто из нас, профанов в медицине, не имеет достаточно авторитета для противопоставления истины документальным записям честолобивого ветеринара, которому нужно отправить Седова подальше к полюсу, а самому встать во главе экспедиции»²⁹.

Возникает простой вопрос, зачем Кушаков хотел стать во главе экспедиции? Даже если предположить, что Северный полюс был бы достигнут, все лавры достались бы Седову и его спутникам. На начальника экспедиции ложилась огромная ответственность, связанная с необходимостью обеспечить возвращение на Большую землю судна, находившегося в плохом техническом состоянии, практически без топлива, с ненадежной командой и одним штурманом. Едва ли для получения такого «букета удовольствий» Кушакову нужно было стремиться «сплавить» Седова к полюсу. Думается, что все оставшиеся на борту «Святого Фоки» во многом обязаны своему возвращению на родину именно чувству долга и настойчивости Павла Григорьевича.

Г. П. Аветисов – доктор геолого-минералогических наук, известный исследователь арктической топонимики, много лет проработавший в Арктике, совершенно справедливо, на наш взгляд, отметил: «Знакомство

27 Аветисов Г. П. Имена на карте Арктики. СПб., 2009. С. 292.

28 Пинегин Н. В. Записки полярника. М., 1952. С. 240–241.

29 Там же. С. 242.

с мемуарами Кушакова раскрывает причину его конфликтов с другими участниками экспедиции – это конфликты обязательного, организованного, дисциплинированного, принципиального человека с людьми порядочными, хорошими, но разбросанными и не привыкшими к подчинению. Поручил Кушакову начальник экспедиции следить за бережным расходом керосина, и тот добросовестно выполнял это поручение и вынужденно конфликтовал с теми, кто мог ночью напролет играть в карты при свете керосиновой лампы. Поручено было Кушакову проследить за обязательной дезинфекцией кают – он и следил, вступая в конфликт с теми, кто считал для себя это необязательным. В этих конфликтах, конечно, прав был Кушаков. Невыполнение подобных указаний было чревато тяжелыми, губительными последствиями для экспедиции. Кушакову только не хватало дипломатичности»³⁰. Наверное, дело не только в отсутствии дипломатичности, но и в других чертах характера нашего героя – честолюбии, граничащем с высокомерием, и некоторой (возможно излишней) самовлюбленности, приводившей не только к конфликтам, но и к откровенно диким сценам мордобоя на пути «Святого Фоки» от Земли Франца-Иосифа в Архангельск. Эти случаи сразу же стали достоянием местной прессы, во все времена падкой до скандальных сенсаций; писал о них и Пинегин.

Интересно, что ни в дневнике, изданном в 1920 г., ни в сборнике рассказов и очерков, увидевшем свет в 1946 г., Кушаков не останавливается на конфликтных ситуациях в экспедиции, а если описывает разногласия с Пинегиним, то не дает происходящему каких-либо оценок. Возможно, дело в том, что опубликованный дневник охватывает период лишь до декабря 1912 г., а западному читателю, на которого была рассчитана книга «Полуденная ночь, полуночное солнце» эти подробности были просто неинтересны и непонятны.

Думается, что сложности и конфликты, возникшие у Кушакова с соплавателями, объясняются и его не вполне ясным статусом в экспедиции. Несмотря на то что Седов объявил «Святого Фоку» «военным судном, находящимся в отдельном плавании» и распространил на всех, кто был на борту, действие Морского устава, это было не более чем формальным актом. Представителем военного флота являлся лишь сам начальник экспедиции, а все остальные были сугубо гражданскими лицами.

В этой связи можно вспомнить Русскую полярную экспедицию под руководством барона Э. В. Толля, проходившую в 1900–1902 гг. на яхте «Заря». Хотя судно плавало под флагом Невского яхт-клуба, оно было укомплек-

³⁰ Аветисов Г. П. Кушаков Павел Григорьевич (1881–04.08.1946) // Имена на карте Арктики (URL: <http://www.gpavet.narod.ru/Names2/kushakov.htm>. Дата обращения 26.06.2020).

Г. Я. Седов

товано военной командой, а обязанности командира и вахтенных офицеров исполняли лейтенанты флота. Научный состав представляли начальник экспедиции и ученые, работавшие по своей программе и формально не имевшие права вмешиваться в процесс управления судном (впрочем, наукой занимались и офицеры). Именно по такому принципу (экипаж и экспедиция) построена работа на научно-исследовательских судах (как военных, так и гражданских) в наши дни. Конфликта между бароном Толлем и командиром «Зари» Н. Н. Коломейцевым в итоге избежать не удалось, но в целом экспедиция свои задачи выполнила во многом благодаря именно ее четкой организации. Трагическая гибель Толля и его спутников – это отдельная история...

Несмотря на то что Седов в одном из своих первых приказов по экспедиции совершенно справедливо декларировал принцип «где порядок, там победа», увы, назвать организацию дела порядком с самого начала можно было с трудом. Кушаков, будучи членом кают-компании, не являлся

моряком, но и не в полной мере, судя по всему, относил себя к научному сообществу (хотя и активно вел исследовательскую работу). Помимо прямых обязанностей врача и естествоиспытателя он взял на себя и множество других самых разных дел: обучение кока, учет и контроль продовольственных запасов, заготовку плавника и многое другое. При этом жизненно важные для всей экспедиции работы (как, например, сбор плавника для отопления) выполняли далеко не все находившиеся на судне. *«Работаем по-прежнему вдвоем с механиком, остальные же члены кают-компании считают эту работу не заслуживающей внимания, а потому сидят дома»,* – отметил Кушаков в своем дневнике 26 октября, рассказывая о заготовке топлива.

Очевидно, что два с лишним года экспедиции, сопряженных с большими лишениями, тяжелейшими зимовками и неизвестностью относительно того, удастся ли вырваться из ледяной пустыни, вкупе с напряженными личными отношениями в замкнутом коллективе сделали совместную жизнь находившихся на «Святом Фоке» невыносимой. Павел Григорьевич рассказал об одном из эпизодов судовому врачу транспорта «Вайгач» Э. Е. Арнгольду, с которым встретился на Диксоне в 1915 г.: *«Про экспедицию Седова он говорил, что по ней научился, как не следует снаряжать полярные экспедиции. После смерти Седова он остался за начальника экспедиции, и только благодаря его громадной энергии и способностям корабль был благополучно доставлен в Архангельск. Штурман умер еще раньше Седова, механик тоже³¹, Кушакову пришлось быть одновременно командиром, штурманом и механиком.*

На корабле были еще студент-естественник Петербургского университета и студент Академии художеств³². Эти люди, по словам Кушакова, восстанавливали против него команду и при этом сами не желали работать как следует. Дошло до того, что ему пришлось пригласить их к себе в каюту и, вынув револьвер, заявить, что если они тотчас же не встанут на работу и не перестанут будировать среди команды, то ему придется прострелить им черепа. Угроза возымела свое действие, и наши молодые интеллигенты стали как шелковые»³³. Так ли все было на самом деле, или Кушаков прихвастнул (чем он, объективно говоря, грешил), но понятно, что заподозрить Пинегина и Визе в симпатиях к преемнику Седова после всего вышеописанного едва ли возможно.

³¹ В 1914 г. от цинги умер механик «Св. Фоки» И. А. Зандер. Штурман Н. М. Сахаров привел «Святого Фоку» в Архангельск.

³² Речь идет о В. Ю. Визе и Н. В. Пинегине.

³³ Арнгольд Э. Е. По заветному пути // Забытые герои Арктики. Люди и ледоколы. М.: Paulsen, 2018. С. 138–139.

Еще один показательный, на наш взгляд, факт: после прибытия «Святого Фоки» в становище Рында на рейсовом пароходе в Архангельск отбыли В. Ю. Визе, Н. В. Пинегин и М. А. Павлов (а также спасенные участники экспедиции Г. Л. Брусилова – В. И. Альбанов и А. Э. Конрад). Они пришли в Архангельск 20 августа, а экспедиционное судно с П. Г. Кушаковым на борту подошло к Соборной пристани лишь четыре дня спустя...

Экспедиция вернулась на Родину в начале Первой мировой войны. Большинство участников плавания подлежало призыву на службу, в том числе и П. Г. Кушаков, отправившийся на Кавказский фронт. Но его пребывание там было недолгим. 13 февраля 1915 г. Павел Григорьевич обратился к ставропольскому губернатору с просьбой об отсрочке от призыва до 15 июня 1915 г., чтобы обработать материалы экспедиции и завершить литературные труды³⁴. Можно предположить, что до фронта Кушаков и вовсе не добрался.

Вскоре судьба вновь вернула его на Север (надо полагать, полюбившийся ему, несмотря на все невзгоды, пережитые им в «седовской» экспедиции). Похоже, что Кушаков сам приложил для этого определенные усилия. 19 марта 1915 г. Б. М. Янушевич сообщил начальнику Главного гидрографического управления генерал-лейтенанту М. Е. Жданко о том, что Кушаков откомандирован в распоряжение Морского министерства для участия в экспедиции на остров Диксон³⁵. Об этой экспедиции, в результате работ которой была создана радиостанция, положившая начало будущей «столице» Западного сектора Арктики, рассказывается во второй части книги Кушакова. Экспедицию подготовили за два месяца, а строительство станции заняло 29 дней³⁶. Поселок, первоначально состоявший из нескольких домов, неофициально назвали «Кушаковкой» – по фамилии его создателя³⁷.

С Павлом Григорьевичем в этот период встречались участники Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана на транспортах «Таймыр» и «Вайгач» и капитан экспедиционного судна «Эклипс», знаменитый норвежский мореплаватель Отто Свердруп. Приведем их свидетельства.

Л. М. Старокадомский, судовой врач транспорта «Таймыр»: *«Утром [17] 30 августа мы стали на якорь у острова Диксона.*

Встретили нас очень приветливо. Начальник станции распорядился вытопить баню, а потом угостил обедом. Это было приятным сюрпризом. Давно уже мы не видели "настоящей" пищи, изготовленной из свежих продуктов.

³⁴ РГАВМФ. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2. Л. 87.

³⁵ Там же. Л. 91.

³⁶ Там же. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 696. Л. 28.

³⁷ Глущенко А. А. Место и роль радиосвязи в модернизации России (1900–1917 гг.). СПб., 2005. С. 427.

На острове заканчивалась постройка двух домов, были выстроены хорошая баня и сарай. Все постройки изготовляли в Красноярске и оттуда доставляли в разобранном виде. Около домов возвышалась, правда еще не оснащенная, радиомачта высотой в 110 метров, составленная из 8 рядов бревен, по 4 бревна в каждом ряду. Инженер-электрик Л. К. Леске, ставивший радиостанцию, утверждал, что она будет скоро готова. И действительно, [23 августа] 5 сентября станция передала несколько официальных телеграмм на Югорский Шар. Диксон хорошо слышал также Архангельск и вступил с ним в связь, минуя Югорский Шар.

Ко времени прихода наших судов на острове находились 64 человека. Многие должны были отправиться на пароходе "Туруханск" обратно в Красноярск. Работа кипела. Все же диксоновцы выкраивали время для ловли белух – крупных китообразных животных, доставляющих ценный жир и кожу белого цвета»³⁸.

Э. Е. Арнгольд, судовой врач транспорта «Вайгач»: «Доктор Кушаков – безусловно интересный тип и, по-видимому, большой молодец, так как только благодаря ему удалось спасти остатки экспедиции Седова. Посидел он у нас довольно долго и потом пригласил к себе ужинать. За ужином мы после долгого перерыва первый раз ели настоящее свежее мясо и много всевозможных закусок. Гостеприимный хозяин сообщил нам последние новости о войне, а также много рассказывал про свой поход. Затем он показал нам свое хозяйство. Осмотрели радиостанцию: она звуковая, в 15 киловатт, станционная башня в 100 метров высотой. Великолепная баня и очень хорошие жилые дома.

По всему было видно, что Кушаков – прекрасный организатор.

<...>

24 августа мы возвратились обратно на Диксон, где экспедиция пробыла еще до 26 августа. Все ее участники с большой благодарностью будут вспоминать внимание и заботливость, с какими их встретил доктор Кушаков. Личный тяжело доставшийся опыт, приобретенный во время экспедиции на Землю Франца-Иосифа на "Св. Фоке" со старшим лейтенантом Седовым, и знакомство с полярной литературой помогли Кушакову тщательно обсудить возложенное на него поручение оказания помощи в случае гибели наших кораблей и выполнить его с редкой предусмотрительностью и умением»³⁹.

³⁸ Старокадомский Л. М. Пять плаваний в Северном Ледовитом океане 1910–1915. М., 1953. С. 316.

³⁹ Арнгольд Э. Е. Указ. соч. С. 136, 138.

О. Свердруп, капитан экспедиционного судна «Эклипс»: «[16 августа] Прежде чем мы успели бросить якорь, на борт поднялся поприветствовать нас доктор Кушаков с несколькими инженерами, которые работали здесь на строительстве радиостанции. <...> Здесь будут строить несколько домов и обеспечат снабжение провиантом, на тот случай, если Вилькицкому придется зазимовать в этих краях со своим экипажем. И эти русские оказались очень приятными и любезными, доктор пригласил нас отужинать с ними на берегу в семь часов вечера. У них был сильный буксир и четыре большие баржи в бухте. На палубе одной из барж были построены просторные добротные дома, где было достаточно места для офицеров и всех занятых на стройке рабочих. В большой офицерской кают-компании на борту одной из барж должен был состояться ужин. <...> Состоялся приятный и праздничный ужин с большим количеством изысканных блюд, мы провели за столом несколько часов, пока выполнили всю программу. <...>

После ужина мы вышли погулять и осмотрели строящиеся дома. Они уже были готовы, по крайней мере, насколько мы смогли заметить, оставались одни только отделочные работы. Это были красивые и добротные строения, возведенные из кругляка. Смотреть на такое было одно удовольствие. Затем оказалось, что вся работа выполнена мастерски, безупречно. В этих домах будет очень тепло и удобно жить»⁴⁰.

После успешного завершения работ на Диксоне П. Г. Кушаков принял участие в перевозке гужевым транспортом военных грузов (прежде всего оружия) с мурманского берега на станцию Сорока зимой – весной 1916 г.⁴¹ Эту операцию под руководством капитана 2-го ранга М. С. Рощаковского организовал Морской генеральный штаб, чтобы доставить грузы, привезенные пароходами к берегам Мурмана, к ближайшим в то время железнодорожным станциям – Рованиями и Улеоборг в Финляндии и Сорока в России. Перевозки длились три месяца, было доставлено 5408 тонн грузов⁴². Интересно, что здесь Кушаков вновь должен был встретиться со своими коллегами по экспедиции к полюсу – в подготовке и проведении операции участвовали М. А. Павлов и В. Ю. Визе⁴³. Последний не упомянул Кушакова в своей статье, довольно подробно описывающей события.

Летом 1916 г. Павел Григорьевич вновь отправился на Диксон. Он возглавил первую смену зимовщиков, которым предстояло в течение года

⁴⁰ Свердруп О. Под русским флагом. М.: Paulsen, 2014. С. 160, 162.

⁴¹ РГАВМФ. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 696. Л. 28.

⁴² Визе В. Ю. Всемирная война и Архангельский край (Гужевая перевозка военных грузов в 1916 году) // Первая мировая война на Европейском Севере России глазами ее участников и современников. Архангельск, 2014. С. 132.

⁴³ Там же. С. 120.

обслуживать построенную в 1915 г. радиостанцию и вести метеонаблюдения. Об этой странице своей биографии Кушаков рассказал в книге «Полуденная ночь, полуночное солнце», вошедшей в настоящее издание. Остановимся лишь на некоторых фактах.

Первоначально созданную в 1915 г. радиостанцию предполагалось законсервировать, так как ее эксплуатация в военное время казалась довольно дорогой, а для спасения Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана она, к счастью, не пригодилась. Но с ходатайством о сохранении и продолжении работы станции в Министерство внутренних дел обратились представители Императорской Академии наук. В итоге после недолгой межведомственной переписки 22 апреля 1916 г. Совет министров принял постановление о выделении средств на оборудование «постоянной гидрометеорологической и радиостанции» на острове Диксон, которой должно было заведовать Морское ведомство⁴⁴.

21 августа 1916 г. с Диксона в Петроград была отправлена первая радиограмма, а 23 сентября началась передача метеорологических данных. П. Г. Кушаков направил М. Е. Жданко телеграмму: «...*весь штат Диксоновской станции, сознавая важное значение ее для нужд местного края, науки, а также зная те трудные условия, с которыми пришлось бороться Морскому министерству за создание и закрепление радиостанции на острове в трудное военное время, – приложит со своей стороны все усилия поставить это учреждение Морского министерства на должную высоту*»⁴⁵. Отметим, что Кушакову (благодаря слаженной работе всех участников его экспедиции) удалось выполнить обещанное. «По итогам работы 1916 года радиообмен Диксоновской радиостанции составил 445 телеграмм (из них 10 международных): 373 исходящих и 61 входящая; а с начала ее работы до сентября 1917 года станцией было передано 1252 радиограммы объемом 21 900 слов», – пишет А. А. Глуценко⁴⁶.

В то время, когда Кушаков был на Диксоне, его труды в 1915–1916 гг. отметили наградой «...*за особые труды по обстоятельствам настоящей войны орденом Св. Владимира 4-й степени*»⁴⁷.

В сентябре 1917 г. Кушаков отбыл с Диксона в Петроград⁴⁸. После октябрьского переворота 1917 г. он пытался сотрудничать с новой властью, поддержавшей ряд проектов по освоению и изучению Севера. 22 марта 1918 г.

⁴⁴ Глуценко А. А. Указ. соч. С. 428.

⁴⁵ Там же. С. 429.

⁴⁶ Там же. С. 429–430.

⁴⁷ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5123. Л. 102.

⁴⁸ Глуценко А. А. Указ. соч. С. 430.

Главное гидрографическое управление предложило ему отправиться в Красноярск для решения вопросов снабжения радиостанции на Диксоне⁴⁹. Через два дня было утверждено ходатайство о премии Кушакову в размере 3000 руб. (а сопровождающему его матросу И. Пищухину – 1500 руб.)⁵⁰. 3 апреля Кушаков прибыл в Красноярск⁵¹. Удалось ли ему выполнить какие-либо работы, неизвестно.

О последних эпизодах деятельности Кушакова в Арктике упоминается в предисловии к его книге, изданной в 1946 г. *«В 1918 году правительство организует большую экспедицию, состоящую из 10 судов, для изучения побережья Северного Ледовитого океана, и на доктора Кушакова возлагается руководство всей ее технической частью. Но из-за бушевавшей Гражданской войны экспедиция не смогла отправиться в путь. В следующем году Кушакова назначили руководить экспедицией, изучавшей природные богатства земель самоедов, а также их нравы и обычаи. Но из-за продолжавшейся Гражданской войны любые научные исследования и организация их работы стали невозможными, в связи с чем доктор Кушаков решил покинуть Родину, положив таким образом конец своей карьере арктического исследователя»*⁵². Возможно, что под экспедицией из 10 судов подразумевался проект Архангельского губернского продовольственного комитета организовать плавание в устье Енисея под командованием капитана Н. К. Мукалова для вывоза хлеба. В нем должны были принять участие все имеющиеся в Архангельске на тот момент ледокольные пароходы: «Дежнев», «Русанов», «Сибиряков», «Седов» и «Соловей Будимирович». Экспедиция не состоялась из-за антибольшевистского переворота, произошедшего в Архангельске 2 августа 1918 г.⁵³

Итогом работы Кушакова в Арктике стал доклад «Развитие Северного русского морского пути». В июле 1920 г. его текст получила лондонская контора Закупсбыта⁵⁴ – кооперативного союза, учрежденного в 1916 г. и действовавшего вплоть до начала 1920-х годов. Упоминания о некоем «меморандуме» Кушакова встречаются и в научно-популярной литературе⁵⁵ и даже в повести Аркадия и Георгия Вайнеров «Карский рейд», впервые изданной в 1983 г. Доклад сохранился в Государственном архиве Российской Федерации. Суть документа сводится к следующему. Представители «Бри-

49 РГАВМФ. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 696. Л. 31.

50 Там же. Л. 26, 28об.

51 Там же. Л. 34.

52 Mayor A. Ibid. P. 11.

53 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-7492. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

54 Там же. Ф. р-5905. Оп. 1. Д. 489. Л. 1.

55 Аветисов Г. П. С. 292.

танского инженерного акционерного общества Сибири». (*British Engineering Co, of Russia Siberia Ltd*), объединявшей свыше 100 крупных заводов в Великобритании, совместно с представителями лесопромышленных групп Канады и торгово-промышленных объединений Северной Америки, заслушали сообщения и доклады контр-адмирала Б. А. Вилькицкого, профессора геолога и географа И. П. Толмачева и доктора П. Г. Кушакова, посвященные вопросам организации товарообменных операций между Европой и Сибирью по Северному морскому пути⁵⁶. В докладе приводилась информация об истории исследования Севморпути и намечались дальнейшие перспективы его коммерческого использования, а также выделялись пять ключевых вопросов, от решения которых, по мнению авторов докладов и сообщений, зависело развитие судоходства в Арктике:

- 1) обеспечение связи между судами и материком при помощи радиотелеграфа;
- 2) навигационное оборудование Северного морского пути и строительство портов;
- 3) развитие морского и речного транспорта;
- 4) разработка нефтяных скважин в верховьях Печоры и организация лесозаготовок вдоль берегов рек;
- 5) строительство железных дорог для соединения внутренних водных путей с будущим незамерзающим портом⁵⁷.

Программа морских экспедиций была рассчитана на пять лет, а ее реализация была связана прежде всего со строительством портов (в частности, в устье Енисея)⁵⁸. Можно предположить, что материалы доклада сыграли определенную роль при подготовке Карских экспедиций 1920-х годов, в которых участвовали кооперативные организации.

Память о П. Г. Кушакове осталась на карте Арктики. В 1913 г. Г. Я. Седов назвал в его честь северо-восточный входной мыс залива Иностранцева, расположенного на западном побережье Северного острова Новой Земли. Тогда же там появился мыс Клавдия, названный Седовым, скорее всего, в честь супруги Кушакова. В 1917 г. зимовщики Диксона назвали бухточку в бухте Ефремова Павловской, в честь основателя поселка на острове. Такое же название носил станок (изба), расположенный в 2 км севернее мыса Исаченко⁵⁹.

Когда точно Павел Григорьевич Кушаков покинул Россию – неизвестно. Скорее всего, он эмигрировал в 1919 г.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. р-5905. Оп. 1. Д. 489. Л. 1.

⁵⁷ Там же. Л. 2.

⁵⁸ Там же. Л. 19–22.

⁵⁹ Попов С. В., Троицкий В. А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972. С. 34, 36, 150.

За границей первоначально Кушаков жил в Великобритании. Здесь в 1926 г. он женился на Агнес М. Мюррей (когда и почему распался его первый брак – неизвестно). Судя по всему, именно ее памяти и посвящена книга, изданная в 1946 г. С берегов Туманного Альбиона наш герой отправился во Францию, где первоначально работал в Институте Пастера в Париже, а затем, с 1928 г., несколько лет жил в Ницце, где занимал должность главного бактериолога в Лаборатории Роншез.

В 1931 г. Павел Григорьевич переехал в Швейцарию, где работал сначала директором Лаборатории исследования здоровья в Монтрё, а с 1933 г. – бактериологом в Институте клинической химии в Лозанне. Здесь он сделал ряд открытий, одно из которых произвело настоящий переворот в понимании процесса физиологии в области пищеварения и усвоения пищи. Кушаков установил, что пищеварительный или появляющийся после приема пищи гиперлейкоцитоз⁶⁰ – не естественное, как считалось ранее, физиологическое явление, а патологический процесс защиты организма от поступивших в организм отварных пищевых продуктов. Благодаря этому открытию стала понятна роль сырых продуктов, столь необходимых для здоровья человека⁶¹.

В статье «Новые законы питания человека на основе пищеварительного лейкоцитоза»⁶² Кушаков писал, что свои исследования он начал в 1912 г. и продолжил во время последующих арктических экспедиций, упомянув о том, что все результаты работ того периода пропали во время Гражданской войны⁶³.

В 1945 г. за работы по пищеварительному лейкоцитозу Университет Лозанны выдвинул П. Г. Кушакова на Нобелевскую премию⁶⁴. Но эту награду присудили группе ученых во главе с А. Флемингом, открывшей пенициллин.

Павел Григорьевич Кушаков скончался в Лозанне 4 августа 1946 г. после продолжительной болезни, вскоре после выхода своей книги, посвященной арктическим путешествиям. В некрологе отмечено, что покойный обладал добрым характером, смирением, широким кругозором и любознательностью, увлекался садоводством, охотой и рыбалкой. Будучи серьезно больным, он ожидал приближающуюся смерть со спокойствием христианина⁶⁵.

⁶⁰ Чрезмерное увеличение числа лейкоцитов в единице объема крови. Может быть физиологическим и патологическим – при многих инфекционных и других заболеваниях. Основная биологическая функция лейкоцитов сводится к обеспечению защитных функций организма.

⁶¹ Mayor A. Ibid. P. 12; Dr Paul Kouchakoff // Gazette de Lausanne et journal Suisse. 1946. 8 août. № 146.

⁶² Kouchakoff P. Nouvelles lois de l'alimentation humaine basées sur la leucocytose digestive // Revue générale des Sciences pures et appliqués. Vol. 48. Paris, 1937. P. 318–325.

⁶³ Ibid. P. 318.

⁶⁴ The Nobel Prize. Nomination Archive. (URL: <https://www.nobelprize.org/nomination/archive/show.php?id=10324>. Дата обращения 28.06.2020).

⁶⁵ Dr Paul Kouchakoff // Gazette de Lausanne et journal Suisse. 1946. 8 août. № 146.

Книга, которую мы представляем вниманию читателей, состоит из двух частей.

Первая часть – изданный в 1920 г. Главным гидрографическим управлением дневник П. Г. Кушакова, который он вел в экспедиции Г. Я. Седова. Дневник охватывает период от начала экспедиции до 5 декабря 1912 г. Продолжения издания не последовало, так как и автор, и Л. Л. Брейтфус – известный ученый-исследователь Арктики, готовивший рукопись к печати и написавший к ней вступительную статью, оказались в эмиграции. В советское время в научной литературе ссылки как на дневник Кушакова, так и на статью Брейтфуса встречались крайне редко. Объясняется это во многом тем, что тексты Павла Григорьевича шли вразрез со взятым с начала 1920-х годов (во многом благодаря Н. В. Пинегину) курсом на тотальную героизацию личности Г. Я. Седова и его экспедиции. В настоящей книге дневник публикуется в полном соответствии с изданием 1920 г.

Вторая часть – вышедшая в швейцарско-французском издательстве в 1946 г. книга «Полуденная ночь, полуночное солнце». Это рассчитанное на европейского читателя собрание отдельных новелл, посвященных эпизодам истории как полярной экспедиции, так и работ на Диксоне в 1915–1916 гг. Основной упор автор делает на различные аспекты «полярной экзотики», прежде всего – на охотничьи эпизоды.

При подготовке перевода к изданию составитель разделил рассказы на две части. Одна посвящена событиям экспедиции Г. Я. Седова, а вторая – экспедициям на Диксон. При этом произведения выстроены в хронологическом порядке (в книге Кушакова он был довольно произвольным), а две новеллы были исключены, так как в сокращенном виде пересказывали дневниковые записи В. И. Альбанова за 1–19 июля 1914 г., где описывались события, предшествующие встрече В. И. Альбанова и А. Э. Конрада со «Святым Фокой».

Несмотря на то что франкоязычная книга Кушакова, по сути, является сборником «охотничьих рассказов», события в ней изложены довольно точно. Впрочем, иногда Кушаков выступает в роли барона Мюнхгаузена, приукрашая свои подвиги (например, в новелле «Первая охота», где описывается охота на медведей на Диксоне). Возможно, это свойство, присущее заядлому охотнику, или черта характера Павла Григорьевича. Может быть, и то и другое...

В конце книги читатель найдет письмо П. Г. Кушакова от 15 августа 1913 г., адресованное якутскому губернатору М. А. Пономареву. Оно интересно описанными в нем событиями, которые хронологически выходят за рамки

дневника автора, но при этом содержат ряд любопытных бытовых подробностей из жизни экспедиции Г. Я. Седова.

Хочется надеяться, что вернувшиеся к отечественному читателю произведения П. Г. Кушакова, в год 140-летия автора, позволят уточнить ряд неизвестных страниц в истории арктических экспедиций начала XX в. и откроют читателю еще одну фигуру, внесшую серьезный вклад в открытие и изучение арктических территорий, но оказавшуюся забытой на Родине. В российских архивах хранится немало интересных рукописных материалов П. Г. Кушакова. Возможно, в результате их изучения перед нами могут открыться новые страницы жизни и деятельности ученого.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить тех, кто помогал мне в работе над книгой: А. Бондарева, историка и краеведа (г. Харьков, Украина), А. Левченко, историка и журналиста (г. Чугуев, Украина). Отдельные слова благодарности адресую моей сестре Елизавете Столовицкой (Кузнецовой) – переводчику и журналисту, энергия и энтузиазм которой во многом способствовали появлению этой книги; моей жене и коллеге Дарье Тимохиной, кандидату исторических наук, постоянно поддерживающей меня во всех начинаниях; коллективу издательства «Паулсен» во главе с генеральным директором Р. Я. Неягловой-Колосовой за огромную любовь к своему делу и терпение.

*Н. А. Кузнецов,
кандидат исторических наук*

ГЛАВНОЕ ГИДРОГРАФИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

П. Г. Кушановъ.

ДВА ГОДА ВО ЛЬДАХЪ

НА ПУТИ КЪ СЪВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

съ экспедиціею

Старшаго Лейтенанта Г. Я. Съдова.

9

Часть I

со вступительной статьею Л. Л. Брейтфуса:

Очеркъ экспедиціи Г. Я. Съдова.

42

ПЕТРОГРАД.

Издана Государственной типографіею, въ Главномъ Адмиралтействѣ.

1920.

Два года во льдах

На пути к Северному полюсу с экспедицией
старшего лейтенанта Г. Я. Седова

(дневник исполняющего обязанности начальника экспедиции

П. Г. Кушакова)

Приезд в Архангельск

Проводы, сборы и приготовления к отъезду

Сегодня, *28 июля 1912 года*, я приехал в Архангельск, в этот старый славный город мореходов, куда некогда направлял свой орлиный взор сам Петр Великий, откуда вышло столько бесстрашных морских удалцов, где Европейская Россия пока имеет единственный выход в широкое море-океан... Здесь, казалось, все должно быть объято преданиями седой старины, дыша стремлениями к неизведанному, неразгаданному Северу, манящему своими сказочными красотами, спящему сном непробудным, словно заколдованная царевна, ждущая своего бесстрашного рыцаря-исследователя, чтобы проснуться, загореться красотой и поведать миру свои глубокие тайны, познать которые так жадно и неотступно домогается человек, этот гордый царь природы, сознание которого не может примириться с тем, что есть еще на земле страны, куда не проникало знание, которое отмежевано от мира студеным морем, гранью льдов вековечных, холодом и мраком полярной ночи...

На вокзале меня ожидал один из матросов, высланный Седовым, знавшим о дне моего приезда. Матрос этот встретил меня и проводил на речной пароход Макаровского общества¹, на котором мы и добрались до места нашего жилья.

Я рвался поскорее ознакомиться с нашим «Св. Фокой»: ведь это не только первое судно полярного типа, какое, наконец, я увижу, но и корабль, на котором мне предстоит совершить далекий, долгий путь – к славе или гибели, один Бог знает...

Всю дорогу я расспрашивал матроса, скоро ли мы прибудем, где стоит судно, грузится ли оно и что делает команда. Через полчаса

¹ Речь идет об «Архангельском речном легком пароходстве» – акционерном обществе, принадлежавшем Я. Е. Макарову.

«Святой Фока» у пристани в Соломбале

мы были уже на пристани «Соломбала». К пристани подошли еще два матроса нашей команды, взяли наши вещи, и все мы двинулись к двухэтажному серенькому домику саженях² в 200 от пристани. Почти против дома стоял и наш «Святой Мученик Фока».

Поселились мы наверху, в небольшой комнате с наскоро поставленными двумя кроватями, столом и двумя стульями. Квартира походная, но чистая и светлая. Рядом поместился Г. Я. Седов со своей супругой, а с других сторон прилегали пустые комнаты, предназначенные для остальных членов экспедиции. В нижнем этаже разместилась команда. Как только мы устроились, я сейчас же пошел осматривать судно, собак и вообще все предметы нашего снаряжения. Осмотрев судно, я выбрал для себя одну из свободных кают, приказал очистить ее, вымыть, запереть и ключ передать мне.

Весь этот день я был в каком-то приподнятом настроении, много передумал, всему прожитому подвел итоги, над некоторыми моментами жизни поставил кресты и с чистой обновленной душой изготoвился в путь-дороженьку.

Погрузка судна производилась ежедневно. К моему приезду почти уже закончили погрузку амбара, дома и бани на палубе и теперь только заканчивали грузить продовольственную часть в нижний трюм.

Мне надо было еще достать драгу для добывания морских животных, а также заказать батометр для извлечения воды с больших глубин для целей бактериологического ее исследования.

Седова я вижу очень редко – он все бегаёт да хлопочет, просто жаль на него смотреть, изводят его основательно.

С одной стороны, Петербургский комитет даёт свои распоряжения, не зная положения дела на месте, и сам задерживает высылку консервов, аппаратов, инструментов и других частей, а с другой, пытается устроить все возможные препятствия владетель судна Дикин, не намеревающийся, по-видимому, идти в плавание, хотя согласно условию ему уже выдано вперед 2800 рублей, т. е. половина договорной платы за доставку экспедиции на Землю Франца-Иосифа. Получив эти деньги, Дикин, однако, ровно ничего не предпринимает.

К 5 августа почти закончили погрузку; остается получить и погрузить небольшую часть груза, отправленного из Петербурга.

² Сажень = 2,13 м.

Постройка экспедиционных зданий в Соломбале

Тобольские собаки числом тридцать штук давно прибыли и размещены в особом загороженном месте на дворе. По временам они поднимают такой лай и вой, что бывает жутко. Собаки особенно беспокоятся ночью и задают порой такой концерт, что при всем желании уснуть не представляется возможным. Днем и по вечерам мы кормим их хлебом, а также пригоняем упряжь и даже пробуем запрягать в нарты. Ожидаем еще прибытия пятидесяти собак архангельских.

Каждая собака в среднем обошлась по пятьдесят рублей. Собаки эти вообще очень ласковы и, когда проходишь мимо них, подбегают, прыгают и каждая старается быть первой, поближе, чтоб ее приласкали. Часто это старание служит поводом к началу драки, и приходится довольно энергично разбирать их споры и ссоры, чтоб каждую вознаградить по заслугам, причем надо быть очень осторожным и особенно хорошо следить за состоянием своего костюма, ибо в общей свалке легко могут пострадать и брюки, и паль-

то. Вообще возня с собаками, довольно смышленными, доставляет даже некоторое развлечение, – сознаешь, что это наши верные друзья, с которыми придется не один день переживать все труды и невзгоды опасного полярного путешествия.

К 6 августа собрались, наконец, все члены экспедиции. Но в этот же день Седов получил уведомление от нотариуса о том, что владельцем судна Дикиным подано заявление начальнику порта о недопустимости выхода в море ввиду сильной перегрузки судна. Этим поступком Дикин сразу дал понять, что добровольно он с нами не пойдет и что предстоит большая возня, прежде чем удасться как-нибудь уладить дело и выйти в плавание.

Утром Седов отправился в Управление порта, откуда к 12 часам на судно для его осмотра прибыла комиссия в составе двух инженеров.

Судно действительно оказалось несколько перегруженным благодаря тому, что все железные баки на судне были наполнены пресной водой. По расчету инженеров выяснилось, что такое количество воды для питания котлов не нужно. Грузовая марка судна была в воде, и чтобы ее обнажить, необходимо было выкачать воду из баков обратно. Дикин согласился и начал выкачивать воду, но ручными насосами, что могло продолжаться около недели.

Седов, видя желание Дикина оттянуть время отхода в плавание, чтобы, опираясь на условие, гласящее, что судно должно выйти в море не позже 15 августа, получить всю арендную плату и затем отказаться от плавания, снова обратился в порт с просьбой прислать речной пароход и выкачать воду. Просьба эта была удовлетворена, и прибывшим пароходом вода была выкачана в каких-нибудь два-три часа. Видя, что этот план его не удался, Дикин начал затевать что-то другое, и мы каждый день стали ожидать от него новой выходки. Седов бегает, суетится, а мы, остальные члены экспедиции, собираемся обыкновенно в чьей-либо комнате и обсуждаем вопрос: состоится ли экспедиция и как нам быть. После выкачивания воды пришлось нам перегружать судно, у которого носовая часть оказалась высоко приподнятой. Перегружали в продолжение трех суток, причем Седов и все мы следили за работой и перекладывали бревна наших построек с кормы под полубак; кроме этого, пришлось выгрузить часть провизии и керосина. Когда все было сделано, накачали снова воду в баки до законной марки, что по расчету должно было дать нам возможность питать котлы до Земли Франца-Иосифа.